

УДК 37.014.521:28-"18"

Витенко Н.П.

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И НОВЕРЧЕСКОЙ ШКОЛЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: общекультурный контекст образования, мусульманское образование, образовательный проект, гражданская идентичность, религиозная идентичность, оценка образовательных проектов официальными лицами.

Проблему гражданской идентичности российских народов актуализировали исторические события начала XIX в., связанные с войнами, развязанными Наполеоном в Европе. Эти преобразования нашли свое теоретическое обоснование в разрабатываемых образовательных проектах, обращенных к проблемам этнонациональных и религиозных процессов, происходящих в группах, населяющих Российскую империю. Именно в этот период разрабатываются авторские образовательные проекты (Федотова, 1997).

Одним из таких проектов является «Проект муфтия Джан-Гусейна о постановке мусульманского образования», который был разработан муфтием Джан-Гусейном и направлен министру народного просвещения князю А.Н. Голицыну. Завершение работы над проектом датируется 10 сентября 1818 г., и в настоящее время он находится в Научном архиве РАО. До передачи данного документа он числился в реестре Архива Министерства народного просвещения (№ 1, 26-4903, листы 17–20).

Муфтий просит министра образования «представить на благотворительное рассмотрение душевного усилия моего о благоустройстве единоверных со мною, разных званий, следующий проект» (НА РАО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Проект муфтия..., л. 1). В качестве аргумента в проблемно-постановочной части данного документа муфтий обращает внимание министра на необходимость преобразования системы мусульманского образования и указывает в связи с этим на «разнообразные по не просвещению предрассудки, сопряженные с легкомыслием и невежеством в образовании народов, в жизни их мало и редко приходит практическое просвещение» (там же, л. 2).

В своем проекте муфтий предлагает создать в Казани два особых училища под патронатом университета, расположенного в Оренбурге. При этом обращает особое внимание на проблему национальной и конфессиональной идентичности. В качестве прототипа проектируемых образовательных заведений автор предлагает аналогичное образовательное заведение, которое было открыто в Астрахани для армянского населения.

При этом муфтий Джан-Гусейн утверждает, что обязанность духовного лидера нации направлена на оживотворение юных сердец «всем нужным для пользы и службы отечества» (НА РАО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Проект муфтия..., л. 2). По его мнению, это способствовало бы:

- созданию предпосылок к формированию любви к России как общей родине для христиан и мусульман в территориальном регионе Казани и Оренбурга, торговле и развитию культурных связей «как со всеми пограничными азиатскими державами, так и внутри империи Российской» (там же);
- сглаживанию проблемы недостаточности в единоверцах знаний о европейской культуре: «...по предмету преподавания в Казанском университете цветущего европейского в просвещении юных сердец образования, весьма удобно иное и в правах единоверцев моих породить подобные тому плоды и сделать их полезными и приятными государству» (там же).

Обращается особое внимание на перспективы выпускников училища, которые после его окончания могли бы переходить к обучению в Казанском университете. Муфтий предполагал, что в результате «существовавшая доныне в некоторых легкомысленных и

непросвещенных магометанах необразованность в течение немногих лет преобразится в здравомыслие и примет приятный в обществе порядок» (там же, л. 3).

Автором проекта был также разработан ряд мер, позволяющих, «возвысаясь блеск славы и чести просвещающего под Российскою державою просвещения, доставить привязанность и усердие сердец всех, вообще, азиатских народов» (там же). Среди них: подготовка педагогов и переводчиков для реализации образовательного процесса, издание учебников и учебных пособий на арабском и турецком языках по всем наукам, предполагаемым учебным планом (в том числе книг, которые сам автор собирал в течение 15 лет жизни в Бухаре и Индии), приглашение европейских и русских профессоров.

Немаловажное значение муфтий придавал практическим вопросам финансирования и организации училищ; в частности, предполагалось использовать:

- средства, выделенные на Неплюевское училище в Оренбурге для содержания и образования детей нерегулярных войск;
- средства «мечетной суммы» Оренбургской пограничной комиссии;
- приношения единоверцев;
- доходы от штрафов, находящихся в ведении местных муфтиев.

Предложенная автором система финансирования проектируемых училищ оказалась недостаточной для их организации и открытия, а в связи с этим и дополнительного их финансирования. Автору было конкретно указано на то, что данные средства имели целевое назначение и уже были израсходованы на организацию Оренбургского Неплюевского военного училища, открытие которого состоялось в 1824 г.

Чиновники министерства не могли позволить использовать государственные финансовые ресурсы на благо магометан, даже при убедительном обосновании цели создания училищ как образовательных институтов для воспитания подданных-мусульман, которые смогут воспользоваться бесценными плодами просвещения. Проект остался нереализованным, несмотря на ярко выраженную ориентацию автора на систему европейских ценностей науки и образования.

Однако целью представителей национальных элит было все же создание специальных образовательных заведений для магометан, и в некоторых случаях она была достигнута, а именно на примере Чистопольского проекта (НА РАО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Чистопольский проект), текст которого также был передан из Архива Министерства народного просвещения в научных архив РАО. В структуру проекта входили:

1. Обращение к Господину Попечителю Казанского учебного округа ректора Казанского университета Гавриила Солнцева, в котором излагалась просьба поддержать инициативу группы купцов и духовных деятелей о создании Чистопольского большого татарского училища (листы 1–10).

2. Проект Чистопольского большого татарского училища, адресованный Господину Попечителю Казанского учебного округа, подготовленный чистопольским купцом третьей гильдии Мухитдином Сеит Бурганом (листы 11–18).

3. Письмо нового ректора Казанского университета на имя Господина Попечителя Казанского учебного округа по вопросу целесообразности открытия училища в Чистополе (листы 19–21).

4. Указание Попечителя учебного округа М. Магницкого Совету Казан-

ского императорского университета (лист 22).

Анализируя данный проект, отметим, что он носил достаточно сухой и практико-ориентированный характер, не раскрывающий в подробностях замысла создания данного учебного заведения.

Ректор Казанского университета Г. Солнцев видел цель создания данного учебного заведения в пользе, которая «может произойти для юношества от устройства на твердых основаниях общественного училища», если «ис подволь ознакомить татарское юношество с нашими христианскими заведениями и, образуя его в науках, мало-помалу ослабить его предрассудки, а также, чтобы из их же единоверцев готовить способных учителей для татарских училищ и ученых переводчиков» (там же, л. 1–2). Он поддерживал проект, финансировать который взялись состоятельные и просвещенные граждане – чистопольский форетмейстер купец М. Уразгильдеев, коллежский секретарь И. Ахмеров и др.

В таком положении дел с организацией и реализацией данного проекта представителями купечества ректор усматривал позитивные и универсальные факторы, которые в дальнейшем способствовали бы повсеместному возрастанию интереса местного населения к образованию и социокультурным процессам в нем. Организация престижных и поддерживаемых Министерством просвещения образовательных учреждений различного уровня и направленности способствовала бы, по его мнению, развитию феномена соревнования между жителями различных местностей.

В обращении ректора содержится критический анализ ситуации и ее общекультурного контекста, при от-

сутствии каких-либо критических суждений в самом тексте Чистопольского проекта, авторы которого понимают сложившуюся социокультурную ситуацию в национальном образовании и принимают ее как данность, отмечая при этом, что активность мусульманского населения, понимание единоразверцев и имеющиеся у них весьма значительные финансовые ресурсы способствовали бы преобразованию социокультурной ситуации в становлении и развитии национального образования.

Автором проекта являлся состоятельный купец из Чистополя Мухитдин Сеит Бурган, который кратко, но емко сформулировал цель создания данного учебного заведения: «Цель сего публичного училища будет состоять 1) в образовании татарского юношества разным наукам и разным языкам и 2) в приготовлении самих учителей для школ татарских» (НА РАО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Чистопольский проект, л. 11).

В отличие от предыдущего проекта, автор не требует финансовой поддержки у российского правительства, утверждая, что за счет собственных средств он готов предоставить Большому татарскому училищу дома для его месторасположения, необходимые финансовые средства, ежегодное финансирование в размере 400 рублей для покупки новой учебной литературы, зарплат учителям и др. Также в проекте отмечается, что «училище будет содержаться добровольными пожертвованиями, для спасения душевного в училище вносимыми от разных лиц магометанского исповедания» (там же).

Училище проектируется как публичная школа, функционирующая под патронатом и покровительством Казанского университета, а также выполняющая все предписания «местного

гражданского начальника в рассуждении внутреннего распорядка» (там же, л. 12). Отмечена особая роль учителей: ориентация на образовательные запросы учеников, на их духовные и познавательные интересы. Для гарантии добросовестного отношения к делу Сеит Бурган предлагает ввести систему выборности учителей, что не позволит им допускать неуважительного отношения к учащимся, принадлежащим даже к самой бедной части татарского общества, так как проект предполагал обучение как бедных учеников за счет общинного бюджета, так и частнокоштных, обучающихся за счет собственных средств.

В данном проекте представлено несколько направлений гуманитарного знания, входящих в структуру учебного плана образовательного заведения: богословское учение, философское учение, словесность и особый блок «российских предметов». Каждое направление содержит в себе набор конкретных учебных предметов.

Проведенный нами анализ направления «Богословие» позволяет сделать вывод о том, что:

- в основе названия предметов, входящих в данный блок, заключен метод преподавания. Всего в цикле девять предметов, четыре из них имеют в своем названии концепт *толкование* («Толкование богословское Джалялетдин», «Толкование сказаний», «Толкование Аль-Корана», «Краткое толкование канонического магометанского духовного законоучения и толкование пространное»). Методическую составляющую имеет и предмет, называемый «Изъяснение разных преданий»;
- отбор содержания обучения следует требованиям дедуктивного принципа «от общего к частному»;

- система представления содержания обучения построена в виде спирали, и движение познания осуществляется от «сокращенного учения магометанской веры» к «пространному учению магометанской веры». Ученики, таким образом, не теряя из виду стратегическую проблему или тематическую линию, постепенно расширяют и углубляют свои знания данного содержания учебного материала.

Во втором блоке дисциплин – «Учение философское» – представлены следующие учебные предметы: «Толкование нравоучительное», «Философское толкование», «Пространное нравоучение», «Арифметика».

Характеризуя данный пункт учебного плана, ректор Г. Солнцев отмечает, что он является самым уязвимым. Из приведенного выше перечисления только один предмет – «пространное нравоучение» – не имеет конкретизации на арабском языке, частично отвечает европейским принципам философствования и представляет собой «именно часть аристотелевской логики и нравственности, из коих последняя более заключается в некоторых положениях, не противных здравому рассудку, и в прочих довольно остроумных, излагаемых в восточном вкусе» (НА РАО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Чистопольский проект, л. 5). Вместе с тем ни в коей мере нельзя считать, что он играет большую роль в формировании у учащихся европейского сознания, так как объем данного предмета весьма ограничен.

В третьем блоке дисциплин «Словесность» представлены:

- простая арабская и татарская азбука и склады;
- азбука с цифрами (абжат);
- грамматика татарская и арабская;
- сочинение слов арабского языка;

- грамматическое толкование;
- чтение татарских, турецких, персидских, арабских книг;
- восточная словесность.

В четвертый блок – российских предметов – предлагалось впоследствии включить следующие учебные дисциплины:

- арифметика по руководству российских сочинителей;
- всеобщая и российская география;
- история Российского государства;
- учение грамматическое российского языка.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что в Чистопольском проекте автор ориентируется на *восточную духовную и культурную традицию*. В проекте также содержатся следующие ценные идеи:

- необходимость развития государственно-частного партнерства в образовании;
- выборность управленческого персонала;
- регулярная подотчетность Университетскому совету и спонсорам («доб рохотным дателям»);
- высокие требования к благонравию учителей.

Критическому анализу данный проект был подвергнут после смерти Г. Солнцева. Новый ректор подверг резкой критике все проекты, поддержанные его предшественником. В письме, направленном Попечителю Казанского учебного округа, было указано на низкие нравственные качества автора проекта Сеит Бургана, он был обвинен в популизме и политиканстве, в представлении им подложных данных относительно возможного числа учеников, в заниженной сумме финансирования, выделяемого для ежегодного пополнения учебного фонда книгами, в стремлении уйти из-под надзора местной полиции. Была представлена

характеристика автора проекта в виде таких слов, как «явный лжец», «известный ябедник», «не имеющий никакого доверия со стороны единоверцев». На имя попечителя доводятся также негативные характеристики на учителей, заместителей, мулл, которые изъявили желание сотрудничать в данном проекте. В итоге было принято решение о закрытии данного проекта в связи с целым рядом рассогласований в проекте и реальном положении дел; было предложено когда-нибудь впоследствии «устроить заведение на прочном основании» (НА РАО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Чистопольский проект, л. 22).

Сравним основные позиции, представленные в авторских проектах муфтия Джан-Гусейна и купца Сеит Бургана, с целью понимания предлагавшегося в них процесса становления и развития национальных особенностей (таблица).

Анализ показал, что полное совпадение мнений определено по следующим позициям: роль веры как основы религиозно-нравственного отношения к миру, языка как ведущего культурно-образовательного фактора, хозяйственно-экономические основы, объединяющие региональное этнокультурное сообщество. Искусство как форма общественного сознания не является значимым фактором ни для одного из авторов. Однако четко проявляется ориентация данных проектов на стремление формировать российскую гражданственность, приблизить

национальную молодежь к европейской и российской культуре, остаться в рамках этнорегиональной системы самоидентификации, не отрицая при этом гражданскую принадлежность к Российской империи (Витенко, 2012; Витенко, Федотова, 2011).

Отметим, что данные проекты по созданию учреждений мусульманского образования не нашли должной поддержки в Министерстве народного просвещения России, были раскритикованы и не реализованы, хотя место, роль и значение национальной культуры в жизни общества трудно переоценить (Cleveland et al., 2016; Stoica, 2016). Поэтому появление таких проектов является важным событием, свидетельствующим о стремлении мусульманских народов развивать свою национальную культуру в рамках реализации своих прав как граждан великой Российской империи.

Только со второй половины XIX в. самодержавие ставит задачу: интегрировать всех подданных на началах русского языка и культуры с целью привить им российскую идентичность, делая тем самым империю монолитной. Однако принималось во внимание и то, что Россия еще долго могла оставаться разнородной в конфессиональном, культурном и языковом отношении, отличаться системой управления национальных окраин, в том числе и мусульманских (История татар..., 2013).

В отличие от западных окраин российские мусульмане всегда были бо-

Факторы формирования этнонациональной идентичности в Российской империи

Проект	Источники финансирования		Идентичность			Формы общественного сознания / факторы формирования			
	государство	пожертвования	европейская	российская	азиатская	наука	искусство	вера	язык
Проект муфтия									
Чистопольский проект	–	+	–	–	+	–	–	+	+

лее лояльны к российским властям, не отказываясь при этом от конфессиональной идентичности. Поэтому любое давление центра (российских властей) либо вызывало сопротивление мусульман, либо приводило к мягкому отказу от сотрудничества с центром. Переделать многовековую идентичность российским властям не удавалось, и поэтому все возвращалось на круги своя – к традиционному сотрудничеству и невмешательству в жизненный уклад.

Известны различные позиции государственных деятелей Российской империи (С.Ю. Витте, К.П. Победоносцев, Н.Х. Бунге, П.А. Столыпин) по вопросу образования мусульман.

С.Ю. Витте придерживался наиболее толерантной точки зрения относительно «мусульманского вопроса» и был сторонником более гибкого и прагматичного курса этноконфессиональной политики империи. Он предлагал развивать среди подрастающего мусульманского поколения правильное (европейское) образование, которое «одно... может постепенно дать место убеждению, что вошедшая в шариат ненависть ко всему вне ислама была порождением давно минувших условий быта и деятельности» (Арапов, 2003).

Позиция К.П. Победоносцева по вопросам о русской школе среди магометан (Из черновых бумаг..., 1926) была схожа с позицией Н.Х. Бунге, который также считал, что национальная политика империи должна быть подчинена «исключительно интересам государства» (Шепелев, 1971).

В своем труде «Загробные заметки», созданном в последние годы жизни, Н.Х. Бунге четко сформулировал свою позицию относительно вопроса о русских школах для мусульман: «...все внимание должно быть обращено на

то, чтобы мусульмане признали превосходство русской школы и чтобы они убедились, что дело идет не об обращении магометан в христианство, а о том, чтобы сделать их полноправными гражданами государства, к которому они принадлежат» (там же).

П.А. Столыпин особенно подчеркивал важность русской школы «как воспитательницы народа», «неотъемлемого и одного из драгоценных достояний государства». Особую роль он отводил начальному этапу обучения детей из мусульманских семей, распространению среди них русского языка и сближению их на «почве любви к общему Отечеству» (Арапов, 2001, с. 18).

Таким образом, вопрос об оправданности мер, применявшихся государственными деятелями по отношению к национальному своеобразие и религиозным особенностям мусульманских народов России в XIX в., остается дискуссионным и требует своего глубокого осмысления.

Литература

1. Арапов Д.Ю. Записка С.Ю. Витте по мусульманскому вопросу 1900 года // Сборник Русского исторического общества. Россия и мусульманский мир. 2003. Т. 7. С. 204–206.
2. Арапов Д.Ю. Образование мусульман в системе учебных заведений Министерства народного просвещения Российской империи в начале XX века // Образование, наука и производство. Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук. М., 2001. Т. 4.
3. Витенко Н.П. Подходы к формированию гражданской и этнонациональной идентичности в образовательных проектах XVIII–XIX веков. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2012.
4. Витенко Н.П., Федотова О.Д. Гражданская идентичность в российских проектах мусульманского образования первой четверти XIX века // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2011. № 2. С. 21–27.
5. Из черновых бумаг К.П. Победоносцева // Красный архив. 1926. Т. 5.
6. История татар. Т. 4. Формирование татарской нации. XIX – начало XX века. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2013.

7. НА РАО (Научный архив Российской академии образования). Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Проект муфтия Джан-Гусейна о постановке мусульманского образования.
 8. НА РАО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 178. Чистопольский проект.
 9. Федотова О.Д. Приоритетные ценности национального образования в философско-педагогических воззрениях И.Г. Фихте // Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX – 90-е годы XX века). М.: ИТИП РАО, 1997. С. 313–337.
 10. Шепелев Л.Е. «Загробные заметки» Н.Х. Бунге // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука, 1971. С. 242–243.
 11. Cleveland, M. et al., 2016. Identity, culture, dispositions and behavior: A cross-national examination of globalization and culture change. Journal of Business Research, 69 (3): 1090–1102.
 12. Stoica, E., 2016. National Identity as Core Concept for the European Standardization Procedure. Procedia Economics and Finance, 39: 458–468.
- References**
1. Arapov, D. Yu., 2003. Note by S.Yu. Witte on the Muslim issue of the year 1900. Collection of Russian Historical Society. Russia and the Muslim World, 7: 204–206. (rus)
 2. Arapov, D. Yu., 2001. Education of Muslims in the system of educational institutions of the Ministry of national education of the Russian Empire at the beginning of XX century. Education, science and production. Urgent problems of humanitarian and social sciences (Vol. 4). Moscow. (rus)
 3. Vitenko, N.P., 2012. Approaches to developing civil and ethnonational identity in educational projects of the 18–19th centuries. Rostov-on-Don: published by Pedagogical Institute of SFedU. (rus)
 4. Vitenko, N. P. and O.D. Fedotova, 2011. Civil identity in the Russian projects of Muslim education of the first quarter of the 19th century. Education. Science. Innovations: Southern Dimension, 2: 21–27. (rus)
 5. Abstracts from draft papers by K.P. Pobedonostsev, 1926. Red Archive, 5.
 6. History of Tatars. Vol. 4. Development of the Tatar nation. XIX – beginning of the XXth century, 2013. Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences. (rus)
 7. Scientific archive of the Russian Academy of Education. Fund 14. Inventory 1. Storage unit 178. The project of the mufti Gian-Gusein about Muslim education. (rus)
 8. Scientific archive of the Russian Academy of Education. Fund 14. Inventory 1. Storage unit 178. Chistopolsky Project. (rus)
 9. Fedotova, O.D., 1997. Priority values of the national education in philosophical and pedagogical views of I.G. Fichte. In: National value priorities of education and nurturing (the second half of XIX – 90^s of the XX century) (pp. 313–337). Moscow: published by Institute of Theory and History of Pedagogy of the Russian Academy of Education. (rus)
 10. Shepelev, L.E., 1971. "Otherworldly essays" by N.Kh. Bunge. In: Archeographic Annual Journal for 1969 (pp. 242–243). Moscow: published by Nauka. (rus)
 11. Cleveland, M. et al., 2016. Identity, culture, dispositions and behavior: A cross-national examination of globalization and culture change. Journal of Business Research, 69 (3): 1090–1102.
 12. Stoica, E., 2016. National Identity as Core Concept for the European Standardization Procedure. Procedia Economics and Finance, 39: 458–468.